УДК 32

МИРОПОЛИТИКА: РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ УТОПИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ?

Рецензия на коллективную монографию под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана «Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ» (М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.)

Давыдов Дмитрий Александрович,
Институт философии и права УрО РАН,
отдел философии,
младший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Аннотация
В рецензии рассматривается коллективная монография под ред. В.С. Мартьянова и Л.Г. Фишмана «Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ». Отмечается актуальность и значимость данного труда. Вместе с тем, критикуется ряд выводов монографии, в частности, вывод о необходимости дополнения мироэкономики мирополитикой («этической мироимперией»). Показано, что воплощение мирополитического идеала невозможно до тех пор, пока на международной арене сохраняются серьезные противоречия. Выдвигается тезис о том, что решение глобальных проблем человечества возможно и силами отдельных стран (в том числе России). Но для этого необходимо целенаправленное строительство общества, в котором больше не существует нужды в материальных благах, и поиск людьми смысла жизни приводит их к необходимости движения к лучшему будущему для всей планеты.

Ключевые понятия:
идеология,
утопия,
мораль.

Современное общество переживает ряд структурных трансформаций. В последнее время в академической среде часто отмечается, что существующая капиталистическая система надломлена, ее ожидает затяжной кризис, а потому, в конце концов, неизбежно посткапиталистическое будущее [2]. Однако с точки зрения идеологического многообразия настоящее предстает как нечто застойное и статичное: общество словно устало от социального экспериментирования и построения различного рода утопий. Господствует неолиберализм, которому мало кто способен бросить вызов. Вернее, такие попытки существуют, и они многочисленны. Но как раз в силу своей многочисленности (мозаичности), нередкого эклектизма и отсутствия внятной социальной базы, все они оказываются на порядок слабее существующего мир-капиталистического статус-кво.

Именно этой проблематике «идеологического застоя» и посвящена рассматриваемая коллективная монография. Ключевой вопрос, поднимаемый авторами, звучит следующим образом: возможно ли в ближайшем будущем появление новых утопий, побуждающих людей изменять мир к лучшему, и «существует ли альтернатива идеологии как социальному регулятору в ситуации пересборки политического» [4, с. 384]? Сюда добавляются другие вопросы: если изменение мира к лучшему возможно, то какова роль в этом старых политических инструментов, показавших свою эффективность в рамках отдельных наций, но оказывающихся практически бессильными перед общемировыми проблемами? И может ли Россия предложить что-то миру в этом нелегком деле, тем самым связав внутреннюю модернизацию с решением общечеловеческих вопросов?

Поиск ответов на эти вопросы сталкивается с актуальной сегодня дилеммой: либо считать приоритетными внутренние проблемы отдельных стран, либо стремиться к мировой интеграции и преодолевать препятствия, стоящие перед всем человечеством.

На *национальном* уровне (в основном это касается развитых стран) сегодня становятся актуальными такие проблемы, как неравенство, рост числа людей без стабильной работы и социальных гаран-

тий (прекаризация) [5], автоматизация производства и распространение искусственного интеллекта, ведущие к возможному резкому «технологическом» скачку безработицы [6] и т.п. Соответственно, на государство возлагают надежды как на раздатчика всевозможных пособий, в том числе так называемого *безусловного дохода* как гарантированных выплат каждому гражданину некоторой фиксированной денежной суммы [1]. Предполагается, что данные пособия обеспечат всех оказавшихся «лишними» людей необходимым для полноценной жизни материальным минимумом.

На уровне *общемировом* также актуальна проблема неравенства, к которой добавляются терроризм, загрязнение окружающей среды и т.п. По всей видимости, решение экологической проблемы и обеспечение общемирового равенства возможно только в случае построения общемирового государственного образования, то есть своего рода мирополитической конструкции, основывающейся на универсальной эгалитарной морали и представляющей собой совокупность транснациональных институций. Разумеется, это означало бы утрату национальными государствами весомой части своего суверенитета, ибо глобальные проблемы можно решить только с помощью существенных усилий всех стран, что невозможно без довольно мощной координирующей силы.

Собственно говоря, сама дилемма заключается в том, что неясно, какому из уровней отдать предпочтение, а выбирать приходится, так как на все сразу возможностей человечества не хватит. Развитые страны могут попытаться решить свои внутренние проблемы (например, начать выплачивать всем безусловный доход), однако тогда им придется увеличить налоговую базу, не без того основывающуюся во многом на перераспределении глобальной ренты (фактически – международной эксплуатации). Более того, безусловный доход, скорее всего, приведет к расширению миграционных потоков в западные страны, а это означает, что им придется стремиться к изоляции от остального мира, не говоря уже о перспективах международной политической интеграции.

Авторы рецензируемой монографии делают выбор в пользу вопросов глобального масштаба. Для них, по всей видимости, общемировой эгалитаризм важнее эгалитаризма локального. Соответственно, «глобальный мир – до тех пор, пока он действительно остается глобальным, будет нуждаться в дополнении мироэкономики мирополитикой, а следовательно, – той или иной версией морально-политического консенсуса, несводимого к локальной традиции или же локальной этике добродетели» [4, с. 77].

Разумеется, аргументация авторов монографии здесь не сводится исключительно к расстановке приоритетов. Скорее они констатируют реальную слабость современных национальных государств, утрату ими функции политического центра: «Переход к позднему, постнациональному Модерну характеризуется своего рода рассыпанием и потерей политической легитимности естественным национализмом как единством: а) индивидуальных прав гражданина, б) коллективной автономии граждан и в) территориально ограниченного, суверенного пространства государства, в рамках которого эти индивидуальные свободы и коллективная автономия осуществляются. Фактор пространства как сакрализации ограниченной территории перестает быть значимым. Территорией позднего Модерна становится весь мир» [4, с. 38].

Ключевым аргументом авторов монографии является констатация распространения постматериальных ценностей в развитом мире. Современный человек уже не считает основной целью жизни материальное благосостояние. Его в том числе беспокоят общемировые проблемы, проблемы человечества в целом. Отсюда вывод, согласно которому «значимыми элементами новой этики становятся постматериальные ценности… <которые> смещают в модерных обществах акцент от необходимости выживания и накопления к росту ценности самовыражения (творчества). Происходит глобализация формата политического мышления, когда этическая мысль напрямую связана с интересами человечества, а права и обязанности распространяются на всех, без учета гражданства. При этом успех новой этики может быть обусловлен лишь большей универсальностью новых норм, которыми активное меньшинство (авангард) начинает руководствоваться в отличие от

конформистски и консервативно настроенного большинства» [4, с. 42–43].

Решить же общемировые проблемы невозможно силами отдельных наций. Только своего рода *мироимперия*, объединившая весь мир под лозунгами новых универсальных ценностей, способна сфокусировать усилия, создать нового субъекта, мыслящего глобально, решающего проблемы человечества в целом. Наконец, только общими усилиями можно восстановить контроль над многочисленными ТНК, заставить их работать на пользу всему человечеству. В данном контексте мирополитика выступает не только как большое надгосударственное образование. Это также целая сеть локальных центров. В качестве таких локальных центров вполне могут выступать мировые города, в которых «участие в процедурах репрезентативной демократии, связанное с рутинизированными и дискретными во времени выборами, <…> сочетается с участием в жизненных ситуациях, которые не предполагают делегирования властных полномочий неким представителям политических групп, но, напротив, основаны на личном и непосредственном включении» [4, с. 104].

В качестве возможной идеологической оболочки мирополитики, по мнению авторов монографии, вполне может выступить коммунитаризм, который мог бы положить начало политическому и этическому обоснованию новой, более универсальной, иерархии общностей. Чтобы человечество стало более важной общностью в контексте принятия политических решений, чем общности более партикулярного и конфликтующего между собой порядка – нации, классы, этносы и т.д. Как отмечается в монографии, «нам нужен высокий коммунитаризм, не как разновидность правого мировоззрения, но как демифологизирующий реализм», «как политическая философия, поднимающая универсальные вопросы о природе личности, общества, свободы и справедливости» [4, с. 174].

Среди несомненных достоинств монографии можно отметить то, что обозначенная проблема построения мирополитики впервые встраивается в проблематику поиска Россией своей национальной идеологии. Думается, один из ключевых тезисов монографии заключается как раз в том, что Россия не сможет найти непротиворечивую «национальную идею» до тех пор, пока она зациклена на своих внутренних вопросах. Все попытки российской властью расставить акценты на собственной неповторимой идентичности сталкиваются с противоречиями, неизбежно вытекающими из самого хода российской истории и несоответствия прошлого нашей страны ее настоящему. Парадокс, по мнению авторов монографии, заключается в том, что «заигрывание с этнонационализмом и со словом "русский" для нынешней российской правящей элиты – дело необходимое и одновременно опасное. Конечно, можно заигрывать на уровне мифов символики и чувств, но нельзя копать слишком глубоко. Символика, мифы и чувства связаны с материальным, институциональным и идейным наследием советской эпохи» [4, с. 315]. Более того, все акценты на духовности, на традиционных ценностях, патриотизме и имперском прошлом неизбежно влекут к архаике. Об этом свидетельствуют выводы исследований авторами таких концептов, как «духовные скрепы» [4, с. 188–200] , «Русский мир» [4, с. 311–317], а также результаты рассмотрения ими идеологической роли Дня Победы [4, с. 318–329] или, например, символических логик пессимизма в современной России [4, с. 282–296]. Дискурс, ведущий к архаике, по всей видимости, нужен элитам только для поддержания контролируемого гомеостаза. Они «втягивают значимые социальные группы населения в антимодерный консенсус путем наделения их некоторой символической долей от ресурсной ренты. Обмен части ренты на легитимность в глазах населения превращает последнее в заложника статус-кво, который невольно начинает разделять общую с властью идентичность и ценность стабильности сырьевой сверхдержавы» [4, с. 181].

Небезынтересен вывод авторов монографии, согласно которому Россия должна найти свой собственный путь модернизации, и этот путь должен выходить за рамки поиска решений ее собственных проблем. Обрести подлинную идентичность Россия сможет, только предложив мировому сообществу собственный проект общемировой модернизации, то есть, в сущности, возглавив мирополитическое

дело. Именно это и есть выход из замкнутого круга, по которому ходит Россия сегодня: от слепого копирования западных институтов и идеологий до эклектической попытки встроить в существующую систему то, что скопированному противоречит всем своим существом. Соответственно, мы можем только согласиться с тезисом из заключения монографии, согласно которому «свет универсальных ценностей сегодня уже не приходит ни с Востока, ни с Запада; напротив, теперь мы сами должны идти к нему» [4, с. 331].

Однако выводам монографии можно и возразить. В монографии так и не дается каких-то конкретных зарисовок институциональной структуры возможной мирополитики. То есть речь идет скорее о благом пожелании, о стремлении начать движение к лучшему, но что из этого выльется, еще только предстоит разузнать. Собственно говоря, в самом тексте признается, что «Подобная стратегия – это чистый *политический идеализм, но именно он является наиболее эффективной долговременной стратегией развития человеческой* истории» [4, с. 44]. Ясно одно: сначала появляется идеал, утопия, без которой невозможно реальное движение к лучшему миру. Именно формирование универсального ценностного ядра мирополитики авторы видят первостепенной задачей: «потенциал гибкой силы все интенсивнее связан с политикой утопии» [4, с. 272]. С этим трудно спорить. Действительно, мировое сообщество сегодня словно замерло в ожидании какого-то принципиально нового «большого проекта». Современному обществу сильно не хватает новой энергии, воли к экспериментированию, оно проникнуто консервативным духом, неверием в лучшее будущее.

Однако у потенциальной утопии должен быть потенциальный субъект, способный на глобальные изменения. На эту роль, конечно, могут претендовать те, кто проникнись постматериальными ценностями. Но вряд ли их субъектность можно экспортировать в страны третьего мира. Там ключевой проблемой является скорее выживание, нежели забота об общем благе на мировом уровне. А поскольку общемировой консенсус недостижим, то есть поскольку наиболее «проблемные» страны с самой неблагополучной экологической и социально-политической обстановкой вынуждены решать свои насущные проблемы (и при этом нередко смотреть на западные страны с подозрением и недружелюбием), то говорить о мирополитике рано.

Соответственно, возникает вопрос: не стоит ли все начать как раз с разрешения социальных проблем наиболее развитых стран? Разумеется, это повлекло бы за собой дальнейшее нарастание общемировых противоречий. Но вполне возможно, что своеобразный «рентный социализм», то есть решение проблемы неравенства и прекаризации в западных странах за счет сохранения их доминирующего положения, является единственным выходом из затруднительной ситуации. Возможно, стоит сначала достичь «просветленного» состояния в отдельной части мира пусть даже путем временного игнорирования бедственного положения остальной части. К счастью, современное состояние науки и техники позволяет всерьез рассчитывать на общество, в котором большую часть материального производства берут в свои руки роботы, а люди получают все им необходимое просто за сам факт гражданства. «Общество труда» постепенно заменяется обществом сотрудничества и гражданских инициатив (Дж. Рифкин [3]). Думается, именно такое общество воспитает в себе новую мирополитическую субъектность. Люди, которых стремительно заменяют роботами, то есть те, кто теряют «трудовой» смысл своей жизни, неизбежно столкнутся с потребностью в новом смысле, который, вероятно, сочетался бы уже с добровольным улучшением мира к лучшему. Как отмечает автор нашумевшей книги «Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему» П. Мейсон, безусловный доход, «выплачиваемый за счет налогов, которые взимаются с рыночной экономики, дает людям шанс создать себе позиции в нерыночной экономике. Он позволяет им заниматься волонтерством, открывать кооперативы, редактировать Википедию, учиться трехмерному программированию или просто существовать» [2, с. 384]. Возможно, мессианское предназначение развитого мира сводится к будущему покаянию, к «очищению от грехов». Но для этого ему потребуется для начала достичь определенного уровня технологического

развития, создать реальные средства, благодаря которым можно было бы изменить мир к лучшему, то есть экспортировать «мессианскую» субъектность в наиболее проблемные страны. Иными словами, *глобальное общество должно дорасти до такого состояния, в котором безусловным доходом (или его аналогом) можно было бы обеспечить весь мир.* По крайней мере, такая возможность должна быть представлена в обозримой перспективе, то есть быть реализуемой если не мировым правительством, то совместными усилиями людей, обретающих смысл жизни в благих предприятиях. И, наконец, только тогда, когда весь мир решит проблему нужды в наиболее насущном, когда сами развитые страны окончательно сбросят с себя моральное бремя эксплуататоров и мировых гегемонов, тогда, возможно, и станет осуществимой идея о мирополитике как моральном проекте всего общества, вырабатывающего стратегии изменения мира к лучшему.

Однако до такого состояния обществу придется еще долго идти. Авторы монографии совершенно справедливо отмечают, что в условиях позднего Модерна значение идеологии не угасло [4, с. 154]. Это может также означать, что остаются актуальными многочисленные проблемы, требующие своего идеологического осмысления на национальном уровне. В конце концов, раздача денег «лишним людям» вполне может привести лишь к росту иждивенческих умонастроений и торжеству гедонизма. Следовательно, существует еще огромное количество вопросов, разрешимых пока только отдельными нациями: от реформирования систем образования до формулирования стратегий реализации личностного потенциала каждого в рамках сотрудничества государства и гражданского общества.

Относительно же России можно отметить, что она гипотетически может предложить миру новую утопию. Но сперва ей стоило бы решить внутренние социальные и экономические проблемы. Эти проблемы, несомненно, будут перекликаться с проблемами всего остального мира: здесь и ухудшение экологической обстановки, и «технологический» рост безработицы, и т.п. В этом смысле, действительно, преимущество России в ее отсталости, в меньшем консерватизме относительно неолиберального (и, в частности, капиталистического) статус-кво. Однако ключевой проблемой пока так и остается колоссальный уровень социального неравенства и существование довольно большой прослойки людей, живущих за чертой бедности. Поэтому вряд ли мы согласимся с одним из ключевых тезисов монографии, согласно которому «любая этически оправданная цель модернизации в настоящее время выходит за пределы наций» [4, с. 43]. Как уже было сказано выше, одна из проблем, с которыми столкнулось современное общество, заключается в том, что оно стало слишком консервативным, то есть не допускающим институционального экспериментирования (по всей видимости, здесь немалую роль сыграл печальный проект Советского Союза). В этом смысле, возможно, России придется преодолеть этот замкнутый круг хождения от одной устоявшейся политической структуры к другой, обратившись непосредственно к изобретению новых политических и экономических институтов (например, разработав свою собственную, пусть даже патерналистскую, модель безусловного дохода). В любом случае, роль нации как политического центра обновляющегося общества списывать со счетов пока рано.

В заключение отметим, что монография получилась весьма актуальной, ее авторам удалось представить оригинальную концепцию мирополитики. Тем не менее многие вопросы, поднимаемые в монографии, так и остаются открытыми, что свидетельствует о том, что авторы хотели скорее привлечь внимание к некоторой актуальной проблематике. Несомненно, миру нужна новая эгалитарная мораль. Без нее, возможно, человечеству не выжить. Однако вряд ли эта мораль станет основой для мирополитической интеграции в обозримой перспективе. По всей видимости, такая мораль может воплотиться только в чем-то вроде *покаяния* развитого мира за его многовековой статус доминирующего субъекта. Правда, этой стадии должен предшествовать период длительного «духовного становления», избавления от моральной слепоты. Развитый мир сам для начала должен отбросить все то, что сковывает его моральные чувства. А это уже задача,

стоящая, прежде всего, перед *национальным государством,* значимость которого в будущем не только не упадет, а, скорее всего, даже многократно возрастет.

1. Блашке, Р. Идея освобождающего безусловного дохода [Текст] / Р. Блашке, Д. Маттиас, Д. Йорг и др. [Электронный ресурс]. URL: http://www.psgd.info/files/publications/extern/bge_book_3.pdf (дата обращения: 04.03.2017).

2. Мейсон, П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему [Текст] / П. Мейсон. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.

3. Рифкин, Дж. Третья промышленная революция [Текст] / Дж. Рифкин. М.: Альпина Нон-фикшн, 2014. 410 с.

4. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ: коллективная монография / под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.

5. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс [Текст] / Г. Стэндинг. М.: Ад Маргинем, 2014. 328 с.

6. Форд, М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы [Текст] / М. Форд. М.: Альпина Нон-фикшн, 2016. 430 с.

References

1. Blashke R., Mattias D., Jorg D. i dr. (2016) Ideja osvobozhdajushhego bezuslovnogo dohoda, available at: http://www.psgd.info/files/publications/extern/bge_book_3.pdf (accessed 04.03.2017) [in Rus].

2. Mejson P. (2016) Postkapitalizm: Putevoditel' po nashemu budushhemu. Moscow, Ad Marginem Press, 416 p. [in Rus].

3. Mart'janov V.S., Fishman L.G., eds. (2016) Rossija v poiskah ideologij: transformacija cennostnyh reguljatorov sovremennyh obshhestv: Kollektivnaja monografija [Multiauthor book]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija, 334 p. [in Rus].

4. Rifkin Dzh. (2014) Tret'ja promyshlennaja revoljucija. Moscow, Al'pina Non-fikshn, 410 p. [in Rus].

5. Stjending G. (2014) Prekariat: Novyj opasnyj klass. Moscow, Ad Marginem, 328 p. [in Rus].

6. Ford M. (2016) Roboty nastupajut: Razvitie tehnologij i budushhee bez raboty. Moscow, Al'pina Non-fikshn, 430 p. [in Rus].

UDC 32

WORLD POLITICS: REAL POSSIBILITY OR UTOPIC IDEAL?

Review on the multi–author monograph under the editorship of V.S. Maryanov, L.G. Fishman "Russia in the search of ideology: transformation of valuable regulators of modern societies" (M.: Political Encyclopedia, 2016. 334 p.)

Davydov Dmitriy Aleksandrovich,
Institute of Philosophy and Law of the Urals Branch of RAS,
Department of Philosophy,
Junior Researcher,
Cand. Sc. (Political Sciences)
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Annotation
The review considers the multi-author monograph under the editorship of V.S. Maryanov, L.G. Fishman "Russia in the search of ideology: transformation of valuable regulators of modern societies". The author emphasizes topicality and importance of the given work. In the meantime the author criticizes some conclusions of the monograph, in particular the conclusion about the necessity of complementing world economy with world politics ("ethic world empire"). It is shown that implementing world political ideal is impossible while serious contradictions on the world arena are taking place. The author puts forth a thesis that solving global problems of humanity is possible by efforts of independent countries (Russia as well). It is necessary to purposefully construct a society in which there is need in material wealth and searching for life purpose brings people to the necessity to move towards better future of the whole planet.

Key concepts:
ideology,
utopia,
morality.